

Леонид Ефремович Горизонтов

Россия, г. Москва,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Региональная терминология в российской славистике последнего столетия

Regional Terminology in the Russian Slavistics of the Last Century

Abstract: In the XX–XXI centuries one can trace in Russian Slavistics a coexistence and competition of traditional ethno-cultural and regional approaches, which were influenced not only by scientific considerations, but also by political factors including the heritage of empires, the needs of the Soviet bloc and post-socialist transformation. The elaboration of such notions as Eastern Europe, Central Europe, South-Eastern Europe, East-Central Europe, which have axiological and geopolitical dimensions, is associated with the development of a regional approach. The practice of the Institute of Slavic Studies functioning since 1947 can serve as an indicator of the research paradigms dynamics.

Key words: Russian Slavic studies, ethno-cultural approach, regional approach, Balkan studies, Eastern Europe, Central Europe, South-Eastern Europe, East Central Europe, Institute of Slavic Studies, regional identity

В XX–XXI вв. в российской славистике наблюдается сосуществование и соперничество традиционного этнокультурного и регионального подходов, на которые оказывали влияние не только научные соображения, но и политические факторы – от наследия империй до потребностей советского блока и постсоциалистической трансформации. С распространением регионального подхода связана разработка таких понятий, как Восточная Европа, Центральная Европа, Юго-Восточная Европа, Центрально-Восточная Европа, имеющих аксиологическое и геополитическое измерения. Индикатором динамики исследовательских парадигм может служить практика функционирующего с 1947 г. Института славяноведения.

Ключевые слова: российское славяноведение, этнокультурный подход, региональный подход, балканистика, Восточная Европа, Центральная Европа, Юго-Восточная Европа, Центрально-Восточная Европа, Институт славяноведения, региональная идентичность

История науки включает эволюцию научной терминологии и, следовательно, имеет точки пересечения с актуальной сейчас историей понятий. Частью понятийного аппарата являются обозначения регионов, позволяющих системно изучать пространство и связанных с еще одной востребованной ныне междисциплинарной областью знаний – ментальной географией. В лингвистике названия регионов не выделяются в отдельный вид топонимов. Наиболее близким по смыслу собирательным наименованием для них могут быть макрохоронимы.

Становление славяноведения в России началось со сравнительного изучения славянских языков, что задало новому научному направлению выраженный этнический вектор и обусловило ключевую роль группировки славянских народов в соответствии с лингвистической классификацией (восточные, западные и южные славяне). Параллельно, однако, в немалой степени благодаря повышенному интересу к славянским древностям, сформировалась историческая часть славяноведения, ставшего историко-филологическим комплексом.

В дореволюционной России было принято рассуждать о Европе в категориях больших этнических миров – славянского, германского, романского, которые не охватывали всего этнического разнообразия континента, причем славянам еще приходилось отстаивать право считаться европейцами. На этнические миры накладывались конфессиональные общности, умножавшие внутреннее разнообразие самого славянства. В русской традиции безусловное предпочтение отдавалось православным славянам. Для многих славистов принципиально важным был водораздел между православной и латинской частями Европы.

Кроме того, популярностью пользовалась группировка народов по империям, подданными которых они являлись. Историки обратились к изучению взаимоотношений славян с неславянским миром, прежде всего, немцами, венграми и турками, что под влиянием идеи славянской взаимности и перипетий международной политики весьма часто приобретало политическую окраску. Деление зарубежного славянства на

австрийских и турецких славян нарушалось таким распространенным в зоне континентальных империй явлением, как разделенные нации, а также прогрессирующим распадом Османской империи, следствием которого стало возникновение нескольких балканских государств.

Термин Восточная Европа использовался в дореволюционной России редко. Балканы рассматривались в контексте Восточного вопроса и долгое время находились в ведении Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи. Когда в июне 1914 г. этот департамент был разделен на три политических отдела, османские и постосманские (включая Румынию) Балканы были отнесены к сфере ответственности Ближневосточного отдела наряду с остальной частью Османской империи, Египтом и Абиссинией. Как писал в своих воспоминаниях хорошо осведомленный сотрудник министерства, «III Политический отдел... ведал Ближним Востоком, то есть Балканами». Возглавил его, кстати, посланник в Сербии, попавшей в эпицентр событий, которые привели к Первой мировой войне [Михайловский 1993: 42]. В данном случае мы сталкиваемся с прецедентом того, как империя формировала ментальные карты. Европоцентричные представления о *Ближнем* Востоке служили реакцией на длительное существование восточномедиземноморской Османской империи. *Центральными* державами в начале XX в. в России называли Австро-Венгрию и Германскую империю.

В дореволюционный и особенно советский периоды удельный вес исторических исследований в славяноведении возрастал, что, как известно, привело к утверждению в России отличного от большинства других стран понимания дисциплинарных рамок этой науки. Это способствовало смещению исследований из этнической плоскости в региональную. Однако в межвоенный период славяноведение в СССР существовало в крайне неблагоприятных условиях и фактически искоренялось. Сказались, в частности, сложные отношения со славянскими государствами, принявшими участие в создании антибольшевистского «санитарного кордона». Подвергалось славяноведение гонениям и за его «реакционную» этническую ориентацию.

С другой стороны, в создании III Интернационала в 1919 г. роль восточноевропейских коммунистов была исключительно велика. В нем, в частности, имелось особое представительство от Балкан, которые уже рассматриваются вне азиатского Ближнего Востока. Термин «восточный вопрос» Коминтерн использовал как синоним

«национально-колониального вопроса». Коммунисты-эмигранты из славянских стран сыграли определенную роль в становлении советского славяноведения.

После состоявшегося в 1927 г. укрупнения три из шести лендерсекретариатов Исполнительного комитета Коминтерна включали страны интересующего нас региона: Среднеевропейский (первоначально в него входили постгабсбургские Чехословакия, Венгрия и Австрия, затем добавились Германия, Скандинавия и др.); Балканский (Болгария, Югославия, Румыния, Греция и Албания); Окраинных (приграничных) государств (позднее переименован в Польско-прибалтийский: Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, т.е. преимущественно бывшие владения Российской империи). Если Среднеевропейский лендерсекретариат расширялся, утрачивая историческую привязку, то два других сохранили свои очертания, меняя лишь название. Если ряд лендерсекретариатов ИККИ формировался по языковому признаку (Латинский (Романский), Англо-американский), то восточноевропейские лендерсекретариаты отличались географической компактностью. Примечательно, что во всех них руководящие функции выполнял чешский коммунист Б. Шмераль, выступая таким образом координатором в масштабах целого макрорегиона, разительно изменившего свой облик после мировой войны [Адибеков, Шахназарова, Ширина 1997].

В 1927 г. накануне открытия в Варшаве конференции, на которой планировалось создать региональную федерацию исторических обществ, академик-большевик М.Н. Покровский опубликовал по этому поводу статью в главном советском официозе газете «Правда» [Покровский 1927]. Не имея возможности анализировать работу еще не начавшейся конференции, Покровский основывал свои оценки на ее программе. Особое внимание он уделил названию форума, в котором фигурировали «государства Восточной Европы» и «славянский мир».

Соединение в одной формуле географического и этнографического ориентиров вызвало недоумение советского историка. Лишь «русская история», по его мнению, отвечает обоим критериям. В отношении Польши это уже не так: территорию от Немана до Вислы Покровский считал «рубежом между Восточной и Западной Европой», тогда как к западу от Вислы, по его мнению, располагается Центральная Европа. Довольно противоречивая, надо признать, версия регионального деления Европы! Славянские Чехословакия и Югославия «ни с какими географическими натяжками» не могут быть отнесены к Восточной Европе, а неславянские Литва, Латвия и Эстония ей «несомненно»

принадлежат. Таким образом, Восточная Европа, по Покровскому, совпадает с Европейской частью Российской империи. Однако в его статье встречается еще один термин – «коренная Восточная Европа», которая соотносима с Европейской частью тогдашнего СССР.

Иного рода недоумение по поводу соединения славянского и восточноевропейского компонентов выражает современный российский историк науки. «Название организации не может не удивлять, – пишет Е.П. Аксенова, – поскольку все славянские страны входили в обусловленные границы региона Восточной Европы, но, видимо, таким образом обозначалось присутствие в Федерации неславянских стран» [Аксенова 2014: 243].

Покровский делал вывод о том, что организаторами варшавской конференции «в основу положена путаная, не научная классификация». Восточная Европа служит лишь маскарадным костюмом, в который облачился традиционный панславистский конгресс ученых и политиков: в новых условиях прежний пророссийский панславизм, правда, приобрел антисоветскую направленность.

Покровский обнаружил интерес к зарубежной науке, отметив, что Восточная Европа сделалась предметом изучения в Германии и США и это нашло отражение в организации университетского преподавания. Действительно, именно в 1920-е гг. в зарубежных научных и образовательных практиках утверждается формат *area studies*, потеснивший традиционный страноведческий подход. Однако Покровский умалчивал о том, что формула, соединявшая Восточную Европу со славянством, тоже получила распространение в западной науке. Так, лидировавшая в межвоенный период в англоязычном мире в интересующей нас области Великобритания продемонстрировала эволюцию от формулы *славянские исследования* к формуле *славянские и восточноевропейские исследования* (*Slavonic and East European Studies*).

В утвердившемся после встречи в Варшаве названии федерации «славянский мир» исчез. Федерация исторических обществ Восточной Европы понимала свой регион предельно широко. Интересно, что у ее организаторов отсутствуют еще «восточноевропейский комплекс» и стремление отгородиться от России, даже большевистской. В федерации были представлены русские историки-эмигранты, эпизодические контакты имели с ней и советские слависты, несмотря на официальный отказ сотрудничать Академии наук СССР, что с удовлетворением отметил Покровский. В федерации велась дискуссия о релевантности этно-славянского и регионального подходов,

в которой принимал участие польский историк О. Халецкий, впоследствии сформулировавший концепцию Центрально-Восточной Европы, и чешский историк Я. Бидло.

Накануне Второй мировой войны понятия *Центральная Европа* и *Восточная Европа* фиксируются в лексиконе советских государственных деятелей. Их, в частности, употреблял в 1939 г. нарком иностранных дел В.М. Молотов. В секретном дополнительном протоколе к пакту Риббентропа – Молотова в Восточную Европу включались Прибалтика (в том числе Финляндия), Польша и Бессарабия, которая характеризовалась как «юго-восток Европы». Терминология документа должна была отвечать приемлемым как для СССР, так и для Германии нормам.

Вместе с тем в конце 1930-х гг. на волне противостояния славянства германскому натиску славяноведение в СССР начинает возрождаться, причем именно с акцентом на этническое родство и общность исторических судеб народов. В Московском государственном университете с 1 сентября 1939 г. функционирует кафедра истории южных и западных славян, название которой воспроизводит традиционную классификацию славянских языков и ограничивает сферу деятельности зарубежным славянством. История венгров, румын и греков находится в ведении другой кафедры.

В 1942 г. в своем очерке истории советского славяноведения разделявшие постулаты марризма В.И. Пичета и У.А. Шустер отрицали формирование трех ветвей славянства в результате миграционных процессов [Двадцать пять лет 1942: 225, 229]. Вместе с тем эти историки-слависты (Пичета – с дореволюционным стажем) широко пользовались понятиями восточные, южные и западные славяне, обходясь без каких-либо дополнительных региональных обозначений. Правда, лингвистическое деление славян вследствие компактного проживания всех трех групп задавало и определенные региональные рамки.

СССР начинает позиционировать себя в качестве крупнейшей славянской державы, что в условиях войны и коренного послевоенного переустройства Европы приносило очевидные идейно-политические дивиденды. В Москве в начале 1947 г. основывается Институт славяноведения АН СССР, которому предстояло стать главным исследовательским центром и «законодателем моды» в своей области. В силу этого в настоящей работе ему будет уделено особое внимание.

Со складыванием в Европе социалистического лагеря возник политический заказ на выделение его в особый объект исследований. В период существования «железного занавеса» дихотомия Восток – Запад и расчленение европейского континента проявлялись максимально четко. Как никогда раньше было очевидно существование большой Восточной Европы. В ходе разделения Института истории АН СССР на отечественную и зарубежную части в октябре 1968 г. Институт славяноведения получил специалистов по неславянским народам самой разной языковой принадлежности, среди которых преобладали участники социалистического проекта – венгры, румыны, албанцы. В год Пражской весны и провозглашения на съезде Польской объединенной рабочей партии «доктрины Брежнева» внимание к зарубежной социалистической Европе возросло.

Однако логика проводивших реорганизацию была не до конца последовательной: в круг занятий института вошла капиталистическая Греция, тогда как изучение ГДР осталось вне его компетенции, хотя Восточная Германия, в отличие от Югославии, принадлежала к числу ближайших союзников СССР и в этом научном центре сложилась уже традиция изучения славяно-германских отношений. В институт пришли византинисты, но востоковеды-османисты в нем не прижились. На протяжении полувека институт возглавляют специалисты по южным славянам с акцентом на проблематику Нового и новейшего времени, а с 1987 г. руководство осуществляют историки-югослависты, ориентированные в первую очередь на Сербию. Здесь стоит пояснить, что в российской науке наряду с определением *южнославянский* используется более узкое определение *югославянский*, служащее собирательным обозначением славянских народов Югославии. Этот региональный маркер является эквивалентом современного понятия *постъюгославского пространства*.

В связи с реорганизацией Институт славяноведения был переименован в Институт славяноведения и балканистики. Новое название явилось компромиссом между традиционной ориентацией на этничность и региональным подходом. Однако оно не охватывало всего изучаемого ареала, не распространяясь на неславянские народы за пределами Балканского полуострова, прежде всего Венгрию.

Изъяны гибридной терминологической конструкции были компенсированы широким распространением в исследовательском обиходе двух сугубо региональных обозначений: Центральная Европа и Юго-Восточная Европа. Они употреблялись столь часто, что вошло в привычку использование понятной лишь специалистам аббревиатуры ЦЮВЕ. Генезис

указанной практики проясняет библиография трудов института до официального расширения сферы его деятельности. Еще в 1950-е гг. фиксируется формула *Центральная и Восточная Европа*, которая использовалась в серии изданий средневековых памятников, публикуемой Институтом славяноведения совместно с Институтом истории. В 1963 г. уже существует формула *Центральная и Юго-Восточная Европа*, причем возникает она в связи с планированием исследований по послевоенной, в ту пору абсолютно современного звучания, проблематике [Институт славяноведения 1996: 295], что подтверждает значимость внешнего импульса, повлиявшего на славистическую терминологию. В 1966-1967 гг. данные названия регионов используются все чаще и с большей исторической глубиной.

Центральная Европа в понимании советских ученых включает Польшу, Чехословакию и Венгрию, а Юго-Восточная Европа совпадает с Балканским полуостровом. При этом не все государства, которые принято считать балканскими, географически полностью находятся в пределах полуострова с его достаточно условной северной границей. Аргументы в пользу надэтнического регионального единства Балкан находились не только в истории, но также в лингвистике (балканский языковой союз, изучение которого началось еще в XIX в.) и культурологии (балканская мифология, балканский фольклор, балканская музыка и т.д.).

Большой вклад в утверждение представлений о ЦЮВЕ внес междисциплинарный и в известной степени международный проект Института славяноведения и балканистики по изучению переходного периода от феодализма к капитализму (если говорить более современным научным языком, речь шла о начале модернизационных процессов), в рамках которого в 1970-1980-е гг. увидели свет полтора десятка книг, в основном тематических сборников статей. Обобщения в масштабах регионов делались И.С. Миллером, В.А. Дьяковым, А.С. Мыльниковым, Т.М. Исламовым, В.Н. Виноградовым и В.И. Фрейдзоном, представлявшими разные славистические и неславистические страноведческие специализации [Горизонтов 2017]. В центральноевропейских исследованиях был различим специфический подход унгаристов, не всегда готовых работать в русле славистических традиций. В целом, мотивированное актуальными политическими реалиями организационное решение оказалось продуктивным для разработки фундаментальных научных проблем.

После дезинтеграционных катаклизмов рубежа 1980-1990-х гг. общность пути большой Восточной Европы была утрачена. Прекращается деятельность региональных органов социалистического содружества, в результате распада трех федераций удваивается количество славянских государств, появляются непризнанные или частично признанные государственные образования. Идея консолидированно осуществить системную трансформацию и интегрироваться в мировую систему не находит единодушной поддержки даже среди бывших советских республик. В этой связи оснований для представлений о большой Восточной Европе становится все меньше. Запускается процесс регионального реформатирования континента [Улуян 2009], одним из проявлений чего становится использование термина Восточная Европа преимущественно в узком смысле – применительно лишь к Европейской части постсоветского пространства, причем зачастую с исключением вступивших в ЕС прибалтийских государств.

В 1997 г. в разгар Балканского кризиса и в год празднования полувекового юбилея Институт славяноведения и балканистики РАН неожиданно для его сотрудников утратил вторую часть своего названия, возвратившись к изначальному варианту. Возможно, таким образом была подчеркнута его полезность в качестве центра изучения славянского мира, который не исчез, тогда как социалистический лагерь с его значительным неславянским компонентом существовать перестал. Паллиативность решения нашла отражение в скорректированных названиях подразделений института (в качестве примеров сошлемся на Отдел истории славянских народов Центральной Европы в Новое время и Отдел истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, которые в действительности продолжают заниматься не только славянской составляющей своих регионов).

После распада СССР пространственный ареал исследований российских славистов расширился за счет Украины и Белоруссии, которые изучались ими и раньше, но для историков не были, как правило, объектом специального внимания. Украинистика и белорусистика стали преимущественно уделом полонистов, более подготовленных как с языковой, так и региональной точек зрения. В большем объеме и без прежней оглядки на разделение труда между научными центрами начала изучаться русская проблематика. В 1999 г. в Институте славяноведения был образован Отдел восточного славянства. Таким образом, по своему географическому охвату российское славяноведение приблизилось к канону славистики в неславянских странах. В результате этого второго расширения

возросло, как и после 1968 г., внимание к некоторым неславянским народам, в частности, молдаванам. Однако в первую очередь российское славяноведение дополнилось изучением истории и культуры евреев Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы – проблематики, многие десятилетия практически табуированной для советских исследователей.

Важным региональным маркером является региональная идентичность, которая, однако, способна меняться. В частности, она весьма восприимчива к трендам географии престижа. Приходится констатировать падение престижности восточноевропейской и балканской идентичностей, обремененных комплексом негативных коннотаций. Не лучшие времена переживает и славянская идентичность – осознание причастности к суперэтнической славянской общности, находящее свое выражение в проявлениях славянской взаимности. Принадлежность к славянству утрачивает значение привлекательной ценности. В меньшей степени указанные тенденции характерны для России, в большей – для стран, связавших себя с Европейским Союзом. Российские слависты нередко болезненно реагируют на энтропию славянства.

Наряду с европейской (общеевропейской) идентичностью востребована идентичность центральноевропейская: в Центральной Европе комфортно себя позиционировать как жителям северной части Балканского полуострова, так и западной части постсоветского пространства. В силу этого границы Центральной, Юго-Восточной и Восточной (в узком смысле) Европы становятся еще более неопределенными и подвижными. Сегодняшняя Центральная Европа демонстрирует свое единство приверженностью вишеградскому сотрудничеству и схожим откликом на миграционный кризис.

Латвия и Эстония предпочитают подчеркивать свою общность со Скандинавией (в прошлом существовал даже не прижившийся впоследствии термин Балтоскандия). В этих странах было с удовлетворением воспринято их (вместе с Литвой) отнесение к Северной Европе статистическим отделом ООН. Таким образом, три постсоветских государства оказались в одном ряду не только с благополучными скандинавскими странами, но и Великобританией, решительно дистанцировавшись от непрестижной Восточной Европы. Сербия, Черногория, Хорватия, Македония, Босния, Албания и Словения включены в Южную Европу, т.е. сблизилась с Италией и Испанией. Популярность набирает различие Западных и Восточных Балкан, отразившее отчасти процесс вхождения стран полуострова в НАТО и ЕС. Зато к Восточной Европе по далеко не бесспорной

классификации ООН наряду с Россией, Украиной, Белоруссией и Молдавией отнесены все страны Вишеградской группы, Болгария и Румыния [ООН 2017].

Итак, география престижа стимулирует ментальный исход из Восточной и Юго-Восточной Европы в Европу Центральную (Центрально-Восточную), Северную и Южную, что помогает ощутить себя полноценной частью европейской цивилизации и коллективного Запада.

Продолжая работать преимущественно с терминами *Центральная* и *Юго-Восточная Европа*, российские слависты стремятся осмыслить феноменологию данных регионов. Это побудило заниматься как историографией (три сборника 1996-2000 гг. о понимании Центральной Европы под редакцией полониста и украиниста А.И. Миллера, унгариста А.С. Стыкалина и богемиста Э.Г. Задорожнюк), так и исторической антропологией (шесть сборников 2002-2011 гг. «Человек на Балканах», подготовленных при ведущей роли югослависта А.Л. Шемякина с особым фокусом на модернизационные процессы, а следовательно, место балканских народов в Европе). Проблематика соотношения интересующих нас регионов присутствует в имагологических исследованиях славистов, начатых изучением взаимных представлений русских и поляков и продолженных на русско-сербском и русско-украинском материале.

Сегодня российские слависты гораздо больше и успешнее, чем в советский период, анализируют современные процессы, причем в этих исследованиях доминирует именно региональный формат. Они в целом благожелательно относятся как к центральноевропейской, так и к балканской идентичностям, видя в них естественный противовес актуальной версии глобализации, залог сохранения исконных культурных кодов и самобытности. В балканском случае эти коды выражены контрастнее, колоритнее, тогда как особую центральноевропейскую идентичность охарактеризовать сложнее. При этом для российских ученых весьма важным является отношение носителей данных идентичностей к России. Влиятельной становится мысль о том, что на части постсоветского пространства и в демонстрирующих евроскептицизм постсоциалистических странах можно будет сберечь традиционные европейские ценности. В такой постановке вновь возрождается представление о Восточной Европе в широком смысле.

Вместе с тем в российской литературе высказывалось мнение, что Центральная Европа – понятие не цивилизационное, а географическое. Это географический центр Европы, но

не эталон европейскости, находящийся на западе континента. Центральная Европа воспринимает приходящие отсюда импульсы и транслирует их дальше на восток, испытывая обратное воздействие восточных соседей. Иными словами, название региона не должно вводить в заблуждение при изучении центр-периферийных отношений. В этой связи предлагалось ввести в употребление термин *Средняя Европа* [Институт славяноведения 1996: 95–96].

В качестве новых региональных терминов в России стали широко употребляться понятия *постсоветского пространства*, *ближнего зарубежья* и *Новой Европы*. Обозначаемые ими пространства отчасти накладываются друг на друга, а сами термины вызывают острую критику. Так, дискриминационный смысл усматривается в терминах *ближнее зарубежье* и *Новая Европа*: в первом видят неравноправную трактовку Россией ее соседей, а во втором – игнорирование давней принадлежности новых членов ЕС к европейскому цивилизационному кругу. Неодинаково в разных странах воспринимается советское прошлое, что сказывается на готовности использовать определение *постсоветский*.

В России применяется и менее общепринятая региональная нарезка. Так, изучающий современные процессы Институт Европы РАН создал Отдел исследований Центральной и Восточной Европы, в который входят Центр вишеградских исследований, Центр прибалтийских исследований и Центр белорусских исследований, а также Отдел Средиземноморья и Черноморья, в который входит Центр по изучению балканских стран и стран Южного Кавказа.

Некоторые термины пришли в российскую науку извне. Это прежде всего относится к понятию *Центрально-Восточной Европы*. Конструирование данного региона началось давно, но лишь в 1990-е гг., когда продвижение термина было поддержано сетью институтов Центрально-Восточной Европы, он начал использоваться достаточно широко. Главным интеллектуальным донором концепции выступила Польша (*Europa Środkowo-Wschodnia*), основными же реципиентами явились постсоветские европейские государства. Основная новация заключается в расширении Центральной Европы в восточном направлении за счет их включения в регион: Центрально-Восточная Европа – это не центральная часть Восточной Европы, а восточная часть Центральной Европы, которая, таким образом, простирается до Смоленщины и Приазовья. Такого рода предложение, сулящее приобщение к европейскости, оказалось привлекательным для

украинцев, белорусов и литовцев. Максимально широкое понимание Центрально-Восточной Европы включает в нее Балканы и бывшую советскую Прибалтику.

В России термин *Центрально-Восточная Европа* также получил известное распространение, используя, как правило, без учета исторического контекста его генезиса и особенностей современного бытования. В то же время он встретил весьма скептический прием. Продвижение этого термина связали с политически мотивированным стремлением оторвать от России близкие по культуре и историческому пути восточнославянские народы, а также поставить ее вне рамок Европы. Более корректным считается говорить не о Центрально-Восточной Европе, а о Центральной и Восточной Европе.

Вместе с тем пользуются популярностью представления о России как особом евразийском мире, не входящем ни в Европу, ни в Азию. Представления эти восходят к евразийству 1920-х гг., которое сформулировало идею надэтнической макрорегиональной внеевропейской общности. Однако и евразийство не может принять концепцию Центрально-Восточной Европы.

Особое внимание обращается на то, что в Центрально-Восточную Европу включается вся современная государственная территория Украины без учета ее ярко выраженной региональной разнородности. В самой Украине крайне болезненно реагируют на упоминание таких регионов, как Малороссия (термин, сложившийся в эпоху Древней Руси), Новороссия (российский термин, возникший во второй половине XVIII в.) и Восточная Малопольша (польский термин межвоенного периода). Все это говорит о потенциальной конфликтности региональной терминологии, особенно когда та связана с имперским прошлым, различными национальными, в том числе научными, традициями или конкуренцией идеальных отечеств.

Исторически Центрально-Восточная Европа мыслится как регион, сформировавшийся в границах государственных образований имперского типа – Речи Посполитой и Австрийской империи (Австро-Венгрии). Трудно отрицать большое значение опыта длительного пребывания народов в составе указанных многонациональных государств. Однако и абсолютизировать этот опыт, игнорируя другие исторические периоды и факторы, не представляется правильным.

Понимание регионального строения Европы невозможно без изучения мира империй. Новая история империй, занявшая в последние десятилетия видное место в ведущих историографиях, получила значительное развитие и в России. Российские слависты, надо сказать, обратились к изучению империи Габсбургов и Османской империи, активности Российской империи на Балканах и польскому национально-освободительному движению в ней еще в советские времена. Исследование империй побуждает мыслить в региональном формате: империя является сложной системой регионов, ее саму можно рассматривать в качестве региона, в Европе долгое время существовал макрорегион континентальных империй [Горизонтов 2005; Горизонтов 2008].

Одновременно не только в научной, но и образовательной практике постсоветской России остаются актуальными гибридные формулы. Так, в 2002 г. в Санкт-Петербургском государственном университете была создана кафедра истории славянских и балканских стран. В Российском государственном гуманитарном университете с 2007 г. существует кафедра славистики и центральноевропейских исследований, имеющая филолого-страноведческий характер. Она готовит филологов с базовой специализацией по Польше, Чехии, Украине и Хорватии, уделяя особое внимание контактам этих стран с неславянским окружением.

Итак, от традиционного деления Европы на славянский, германский и романский миры, *Pax Orthodoxa* и *Pax Latina* осуществился переход к представлениям о полиэтнических и поликонфессиональных макрорегионах. Становление регионального подхода в российском славяноведении было связано с обращением к изучению соседствующих со славянами неславянских (германских, финно-угорских, романских, тюркских и др.) этносов, интерес к которым возникал в связи с их контактами со славянским миром. Региональные исследования в России ощутимо потеснили «чисто» славистические, хотя во всех дисциплинах славистического комплекса сохраняется особый пласт тем, разрабатываемых в русле классического славяноведения. Компаративные и кросс-культурные исследования, труды в русле *entangled history* требуют, как правило, региональной оптики. Думается, что региональный подход более распространен в славяноведении тех стран (Россия в их числе), где нет абсолютного доминирования филологии. Как в советские, так и в постсоветские времена российские слависты внесли ощутимый вклад в развитие регионоведения в целом.

Используемая ими региональная терминология несет на себе большую аксиологическую нагрузку и весьма чувствительна к разного рода геополитическим проектам, нацеленным на конструирование регионов. Российские слависты проявляют интерес к региональным концепциям своих зарубежных коллег и их понятийному аппарату, но в основном продолжают ориентироваться на отечественные научные традиции, изучение которых в этой связи становится тем более важным. Обсуждение существующих терминологических расхождений имеет принципиальное значение для международной научной коммуникации. Так, на II конгрессе зарубежных исследователей истории Польши в Кракове (2012 г.) под руководством Р. Стобецкого состоялся круглый стол, посвященный подходам к изучению Центральной Европы в различных странах [Gorizontov 2013; Zaskilniak 2013].

Литература

АДИБЕКОВ, Г. М., ШАХНАЗАРОВА, Э. Н., ШИРИНЯ, К. К. (1997): *Организационная структура Коминтерна. 1919–1943*. Москва.

АКСЕНОВА, Е. П. (2014): Федерация исторических обществ Восточной Европы и русские ученые-эмигранты // *Славянский альманах 2013, 2014*. Вып. 18, с. 232–250.

ГОРИЗОНТОВ, Л. Е. (2005): *Славянские народы и империи в долгом XIX веке. Размышления о векторах исследований*. В: Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. Материалы всероссийского совещания. Москва, с. 115–129.

ГОРИЗОНТОВ, Л. Е. (2008): Империя в регионе, империя-регион, империя регионов // *Регіональна історія України, 2008*. Вип.2, с. 127–134.

ГОРИЗОНТОВ, Л. Е. (2017): Александр Мыльников – исследователь славянского мира // *Slavica litteraria, 2017*. №1, с. 95–103.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ (1942): *Двадцать пять лет исторической науки в СССР*. Москва; Ленинград.

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ (1996): *Институт славяноведения и балканистики. 50 лет.* Москва.

МИХАЙЛОВСКИЙ, Г. Н. (1993): *Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. Кн. 1.* Москва.

ООН 2017: ООН придала Эстонии, Латвии и Литве статус государств Северной Европы // <https://www.newsru.com/world/09jan2017/status.html>

ПОКРОВСКИЙ, М. (1927): Панславизм на службе империализма // *Правда*, 1927. № 142, с. 1.

УЛУНЯН, Ар. А. (2009): *Новая политическая география. Переформатируя Евразию. Историзированные зарубежные геоконцепты. Конец XX – начало XXI в.* Москва.

GORIZONTOV, L. (2013): Rosyjska wizja Europy Środkowej: tradycje i dzisiejsza perspektywa // *Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne*, 2013. № 4, s. 151–160

ZASZKILNIAK, L. (2013): Polska i Ukraina w Europie Środkowo-Wschodniej: spojrzenie z Ukrainy // *Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne*, 2013. № 4, s. 161–172.